

K/x

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО
ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

- На Евангелие о втором пришествии Христовом
- Православное Богословие в современном мире
- К размышлениям об интеллектуальной свободе
- «Двенадцать» — А. Блока
- Письмо А. И. Солженицыну
- Опять на Родине
к 50-летию смерти В. В. Розанова
- Преосв. Мануил Лемешевский

ПАРИЖ—НЬЮ-ИОРК

№ 94

TRIMESTRIEL

IV-1969

А. СОЛЖЕНИЦЫН — ВЕЛИКИЙ ПИСАТЕЛЬ ЗЕМЛИ СССР *)

“...Туманные проходят годы,
И попережку дышим мы
То затхлым воздухом свободы,
То вольным холодом тюрьмы.
И принимаем попережку,
С надменностью встречая их, —
То восхищенье, то насмешку
От современников своих”.

Георгий Иванов.

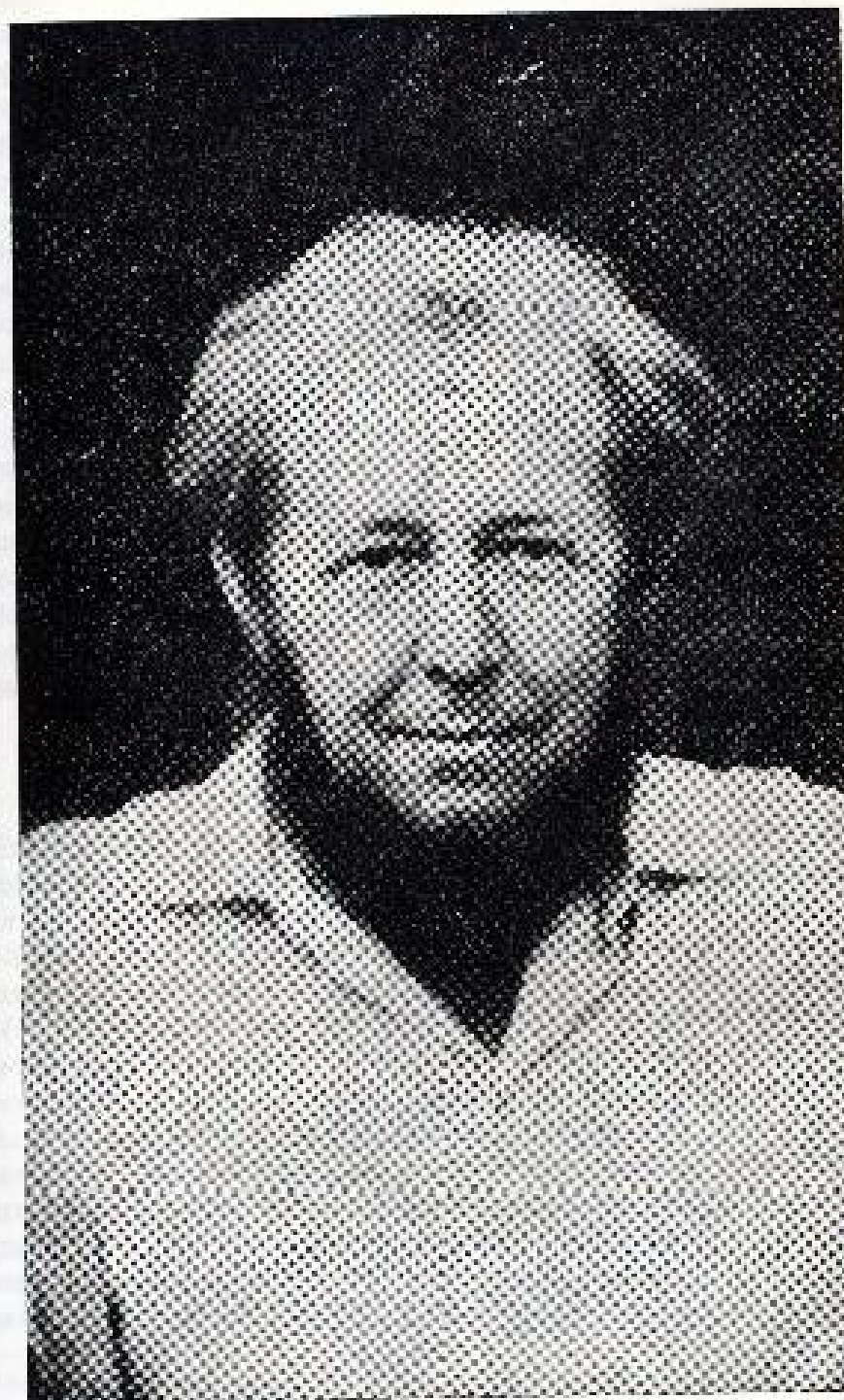
*«Под моими подошвами всю мою
жизнь — земля отечества, только
ее боль я слышу, только о ней
пишу».*

А. Солженицын.

Александр Исаевич Солженицын во всей подсоветской, да и вообще русской литературе, — явление исключительное и великое. Нет писателя равного ему по правдивому изображению сталинщины, лагерей, отрицательных сторон жизни под коммунизмом. Правда описана, действительность показана, в художественном воспроизведении их, огромным, своеобразным талантом. Ложь и бессовестность, жестокость и глупость — враги писателя. Знание разных сторон жизни СССР изумительное, образование широкое, храбрость в своей борьбе за правду и честность того, что сказано — героическая.

Обсуждалась рукопись РАКОВОГО КОРПУСА в секции прозы с активом 17-го ноября 1966-го года и на заседании Секретариата Союза писателей 22. IX. 67 г. Восторги сменялись поношениями и угрозами. Известная поэтесса — Белла Ахмадулина — воскликнула, обращаясь к Солженицыну: «Прекрасный человек! помолимся Господу Богу, чтобы Он дал здоровья Александру

*) Глава из ненапечатанной книги Р. Плетнева: А. Солженицын — великий писатель земли СССР.

А. И. Солженицын

Солженицыну!» Знаменитый писатель В. А. Каверин говорил о «необыкновенных высотах» воплощения прошлого, о внутренней своборе и могучем стремлении к правде... «Поставить людей разных профессий, разного уровня образования, разной степени нравственной тонкости лицом к лицу со смертью. Это задача огромная, — большая, чем в СМЕРТИ ИВАНА ИЛЬИЧА». Г. Березко: «Повесть производит оглушительное впечатление, вещь необычайной художественной силы...» М. А. Шолохов: «Сумасшедший. Не писатель. Антисоветский клеветник». А. Е. Корнейчук заявлял: «Ваши (Солженицына) выступления — только прокурорские».

Кожевников: «РАКОВЫЙ КОРПУС вызывает отвращение от обилия натурализма... главный план его — не медицинский, а социальный, и он-то неприемлем». Баруздин: «Раковый же корпус — антигуманистическая вещь. Конец повести подводит к тому, что «по другому пути надо было идти...» А. А. Сурков: «...Произведения Солженицына для нас, опасней Пастернака: Пастернак был человек, оторванный от жизни, а Солженицын — с живым, боевым, идейным темпераментом, это — идейный человек».

Так по-разному толковали писатели. Решение же было одно. Не печать Солженицына.

Жизнь под пятой Сталина.

Конечно, если читатель Запада возьмет 21-ый том Энциклопедии Британники 1961-го г. и прочтет статью о Сталине Исаака Дойчера (ранее пламенного польско-еврейского коммуниста), Сталин будет великой, спорной (controversial) личностью в истории. В этой статье чего, чего нет! Так, до Сталина у нас в России был не плуг, не трактор, а соха (деревянный плуг!) и т. п. Все это людям знающим экономику и развитие промышленности и до 1914 г. просто смешно. Наши автомобильные заводы были не хуже французских, наши фабрики выбрасывали более чем довольно ситца и тканей; у нас, как при Сталине, не пахали в России на женщинах в деревнях (см. «Матренин двор», «В круге первом»). Совершенно известно, что, при страшных жертвах в людях и материалах, скорость индустриального роста ни в одной из пятилеток не была большей чем в 1908-1914 г. г. (1) Солже-

(1) Значительно менее роста и японской промышленности после войны 1941-45 г. В своей книге советские ученые П. Лукьянова и А. Соловьева изд. 1966 г. «История химической промышленности в СССР» (стр. 111-116) признают: в 1900 г. в России производилось 75.000 серной кислоты, а в

ницын это знает. Он знает, что около 14-15 миллионов было в концентрационных лагерях, где продуктивность труда весьма низка, знает о шпионских кражах иноземных патентов, о неимоверной скудости и беспорядке даже, на ранее образцовых, русских железных дорогах. Сталин изображен, как тиран, вредитель развитию страны, бездарно проморгавший нападение и не подготовленный к войне, хотя 2 года уже она была в Европе. Жизнь зажата в кулаке МГБ. Для огромного большинства людей образованных или колхозных крестьян она также тяжка, опасна и скудна. Хочется опять вспомнить прежние славословия и дифирамбы Сталину, хотя бы, до отрезвления, в речах и статьях Джиласа и ему подобных. Война дала толчок к переосмыслению роли Сталина не только Солженицыну, но по всей видимости и В. Дудинцеву, а возможно и ряду других: Л. Чуковская, академик Сахаров и т. п. Была и есть особая мода в СССР на замалчивание ошибок, злодеяний, неполадок и узаконенного грабежа населения (случай государственных займов и неуплата процентов и т. д.). Сам советский юморист в КРОКОДИЛЕ 1969 г. хорошо это выразил. Стихи являются как-бы пародией на басню И. Крылова «Слон и Моська».

«Ай, Моська, до чего ж сильна она!
Не хвалит... И не лает на слона».

Моська в Империи смела хоть лаять на Слона, а Моська в СССР гордится тем, что смеет молчать и не хвалить! — Слова же Солженицына всегда правдивы, а критика — беспощадна при всей ее справедливости.

**

В Институте «литературу такую изучали там, будто все было на земле, кроме того, что видишь вокруг собственными глазами» (стр. 211). Это — Солженицын. А. Л. Осипова: «Социальный заказ и соцреализм — основы основ советской литературы... Лгут и должны лгать писатели. Сталин — непременно родной, жизнь — богатая, комиссар — чуткий. Советский читатель, утомленный своей трагической судьбой, требует (подсознательно) идилличе-

1916 г. уже 260.000 тонн. В 1900 г. 42.000 тонн фосфатов, а даже в 1909 г. было уже произведено 85.000 тонн. Вот, рост в дореволюционное время промышленности! Производство же азотной кислоты за 16 лет (1900-1916 г.) возросло в 39,8 раз! Комментарии излишни.

ской и лирической фикции (2). Есть целый ряд весьма важных в жизни советского народа явлений, о которых в современных романах за редчайшими исключениями нельзя найти ни строчки. Например: концлагеря, проституция, уход населения с немцами» (3). Это все или почти все затрагивает именно Солженицын. И только его стремление, во что бы то ни стало, к искренности уравнесило в глазах и ряда читателей в СССР отсутствие хэппи-энда, идиллии, красоты. Многие, увы, очень многие считали и считают верными для себя слова поэта:

«Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой».

Покойный Ю. И. Мишалов (4) цитировал журнал КОММУНИСТ, № 2 за 1965 г. Там сказано, что на определенном уровне «научная теория теряет самостоятельность и упирается в практику». Но если на практике нет и не было бесклассового общества и это идеалистическая надстройка теории, как быть с практикой неудач в течение пятидесяти лет? Как, видя теоретическую возможность такой ситуации в истории, объяснить, что она «оказывается практически нереализуемой». Эти идеи и сомнения знакомы и героям Солженицына. (Сологдин, частью даже Нержин). Все судится партией «бесклассового общества» «с классовых позиций» будь то кибернетика, этика, история или биология (5). Если же видна грубейшая ошибка осуждения, то партиец обязан утверждать, что это было «необходимо на данном этапе борьбы с капиталистическим окружением». См. возражения Радовичу со стороны Макарыгина о лжи пропаганды, искажения истории и т. д. В жизни кругом Ложь и Страх, упорство фанатиков, и «босая бедность» при надрывной работе; они все время в центре внимания Солженицына. Оттого-то в изображении людей и вещей он так близок русскому XIX в., его психологическому реализму. Чтоб воздействовать на «я» читателя необходимо нужно быть не только мастером слова, образного представления мира, но и быть доступно понятным в основном, доходчиво правдивым, видеть вещи и

(2) Отсюда некоторые из читателей «Один день Ивана Денисовича» обвиняли автора, что у героя «один желудок».

(3) См. Л. Т. Осипова: «Явное рабство и тайная свобода» Мюнхен, 1960, стр. 11, 12, 15, 22, 39.

(4) См. «Наука и идеология» Новый Журнал № 94, стр. 234, 235.

(5) Так, 5 сентября 1931 г. ЦКВКП(б), осудил педологию, как мракобесие и поповщину!

глазами обычного человека в СССР. Это и делает всегда Солженицын. Сам язык его, впитав советские слова, термины — чисто русский с примесью старых диалектических великорусских ядерных слов. Часто слова эти так подобраны, такие вещные, пластичные и сверкающие, что вот хочется их выбрать, положить на свою ладонь и любоваться. И хорошо, что нельзя: в отрыве от живой ткани повествования они потускнели бы, как блекнут слова в словарях.

Читаешь, читаешь Солженицына и какая-то особенная пекущая печаль обвивается вокруг сердца и крепко-накрепко стягивает его. Иной может и просто разболеться от книг страдания и горечи. Конечно, есть и свет горний, есть звук биения большого и чистого сердца, да горе — горькое, общенародное гореванье, все проникает. Есть и еще особенность во всем написанном этим Великим Страдальцем и борцом за человечность. Мне кажется, что автобиографичность ряда мест, огромность несправедливо наложенного креста страданий автора делают его особенно близким и просто осязаемым. Видишь его и в ледяном свете месяца на Севере с номерами на спине, груди и колене; а вот, опустив вниз голову от боли и тошноты лежит писатель в ташкентской больнице, или едет, сплотив плечи, с Герасимовичем в воронке из шарашки в тайгу. И в этом еще нарочито пронзительная боль его книг, очерков и рассказов. Читаешь, пьешь воздух России, но какой он тяжкий! Не вздохнуть полной грудью — боль и страстная горечь. И всюду Ложь и «серый призрак и подземный гул». Поперек теней сумрачных лагерных вышек легла, насупилась и не уходит тень Сталина.

Добровольная работа «по известному принципу полной добровольности» есть насмешка: работать будешь и в воскресенье — тоже «добровольно». Академики сидят по восемнадцать лет в тюрьме «без приговора». Сказал кто-то правду, что «из Эрмитажа (6) картину продали на Запад» — и оба получили по десять лет каторги. Лагерный опер Камышан бьет обычно «палкой по губам, чтобы сыпались зубы с кровью»... Каждый проходящий в тюрьме арестант в следственном корпусе «расписывался сквозь прорезь в жестяном листе, не видя фамилий ни до, ни после своей; взводили по лестнице, где против арестантского прыжка были натянуты частые сетки, как при воздушном по-

(6) Рафаэль, Тициан и другие из проданных картин украшают, напр., в Вашингтоне галерею Меллона. Ряд драгоценных предметов находится и в Торонто.

лете в цирке» (стр. 145). И кого, кого не водили по Лубянке! Кадеты, эсеры, анархисты, монархисты, октябристы, меньшевики, большевики. Были, прошли через эту тюрьму и Якубович, и Рамзин, Бухарин и Шульгин, Рыков и Савинков, Тухачевский и профессор Плетнев. Не избег ее и гениальный академик Вавилов, фельдмаршал Паулюс и генерал Краснов. Бывали всемирно известные ученые и поты, юноши, старцы, женщины, девушки, подростки. О тюрьме и ее истории, все большем мраке и зажиме — пишет Солженицын со всей силой правды. Не может он принять писаний типа героя В КРУГЕ ПЕРВОМ — Галахова. Хоробров так определяет эти попытки приукрасить действительность да позолотить жизнь в книгах: пишут в каком-то духовном параличе; одобряют «все шире принятую манеру писать как-бы не для людей, а для дурачков, которые жизнь не видели и по слабоумию рады любой побрякушке». Это очень напоминает рассуждения Елизаветы Анатольевны из РАКОВОГО КОРПУСА: «Близко я не знаю книг какие бы не раздражали. В одних — читателя за дурака считают», и т. д. Не случайно эта мысль повторяется и В КРУГЕ ПЕРВОМ. Подхалимство, ложь и лакировка не переносимы для нашего писателя. Да как и не быть и жизни и быту тяжкими в зажиме кулака МГБ?! Вот лейтенант МГБ — Смолосидов. «Даже веря, что в каждом творении есть что-то хорошее, трудно было отыскать это хорошее в его чугунном никогда не смеюшемся взгляде, в безрадостной нескладной пожимке толстых губ». По должности он получал малое жалованье, «правда, еще на тысячу воровал из института и продавал на черном рынке — дефицитные — радио-детали, но все понимали, что положение и доходы Смолосидова не ограничиваются этим».

Правда, есть бесстрашные люди типа инженера Бобынина. Когда сам Абакумов говорит ему «И вас заставим», Бобынин режет: «Ошибаетесь гражданин министр... У меня ничего нет, вы понимаете — Нет ничего! Жену мою и моего ребенка вы уже не достанете — их взяла бомба. Родители мои — уже умерли. Имущества у меня всего на земле — носовой платок, а комбинезон и вот белье под ним без пуговиц (он обнажил грудь и показал) — казенные. Свободу вы у меня давно отняли, а вернуть ее не в ваших силах, ибо ее нет у вас самого. Лет мне отроду сорок два, сроку вы мне отсыпали двадцать пять...» (стр. 77-78).

Пресловутое право и на платное учение в высших учебных заведениях для многих не сладко. Неподготовленные девушки «про-

бирались сквозь эту математику и радиотехнику, как сквозь непонятный, безвылазый бор. Но чаще всего «просто не было времени. Каждую осень на месяц и больше всех студентов угоняли в колхозы убирать картошку, из-за чего весь год потом слушали лекции по восемь и по девять часов в день, а разбирать конспекты было некогда». А там была и политучеба и обязательное недельное собрание, да еще стенгазета, да шефские концерты. Кроме того надо же было и дома что-то помочь сделать, не считая клуба или кино. Нагрузка большая, сверх нормы, а толку от нее мало.

А в чем и преступление многих? Да просто здоровому мозгу на Западе и не понять. В атмосфере вечного сыска, постоянно подогреваемой подозрительности самое слово есть преступление. Разумному человеку нельзя считать медицинское открытие, какой то препарат, — государственной тайной, да еще в мирное время. А тут и залегло преступление несчастного эпикурейца — Володина (7). Он, опасаясь за знакомого доктора — старика, посоветовал не показывать препарат западным коллегам. И вот за это и только за это, он и попадает под своды тюрьмы. Впрочем не он один, а еще некто, схожего тембра голоса, тоже арестован, по тому же подозрению. И... сидит. Когда везут арестантов на свидания, то не только осматривают весь автобус, но лезут и под автобус поглядеть, а нет ли кого и на рессорах под кузовом, хотя и «бесплотный бес не удержался бы там ни минуты!» Бдительность, бдительность до конца!

Иногда, редко в сущности, вступает в хор голосов шарашки под Москвой голос самого автора. О Нержине он говорит, а вместе с тем и о всей советской жизни: «Никогда бы Нержин не расставался с женой, и безмятежно прошла бы жизнь его в численном интегрировании дифференциальных уравнений, если бы родился он не в России, или не в те годы, или был бы не такой. Это в ДЕВЯНОСТО ТРЕТЬЕМ (8), у Гюго. Лантенак сидит на дюне. Он видит несколько колоколен сразу, и на всех на них — смятение,

(7) Иннокентий Володин приводит много цитат из Эпикура по-русски. Однако, обвиняет философа или почти насмехается над тем, что легко философствовать в саду о терпении в страданиях, о забвении, о пренебрежении своих мук. Здесь герой, а м. б. и сам автор, не справедлив. Судя по древним записям Эпикур в жестоких предсмертных муках думал о других: «А ты (друг) позаботься же о детях Метродора». Метродор оставил сирот.

(8) Точнее «ДЕВЯНОСТО ТРЕТИЙ ГОД», о революции и Конвенте якобинцев (1874). Вероятно Солженицын читал его в русском пятнадцатитомном издании, Москва 1953 - 1956.

все колокола гудят в набат, но ураганный ветер относит звуки, и слышит он — безмолвие. Так каким-то странным слухом отрочества слышал Нержин этот немой набат — все живые звоны, стоны, крики, клики, вопли погибающих, отнесенные постоянным настойчивым ветром от людских ушей... Двенадцати лет... прочел процесс инженеров-вредителей. И этому процессу мальчик сразу же не поверил... Он явственно различал, что все это — ложь, ложь! Речь здесь, вероятно, или о процессе промпартии или о Шахтинском. Обвиняли неповинных инженеров во вредительстве. Судя по некоторым данным, причина сотен арестов была в страхе партии, что всю пятилетку захватят в свои руки техники. Иначе — боязнь того, что технократы смогут вытеснить партийцев. Нержин знал семьи инженеров «и не мог представить себе этих людей, чтобы они не строили, а вредили». (стр. 179) Нержина особенно занимал и позже вопрос почему жертвы, люди невинные и вперед осужденные, «брали на себя предсмертное самообольщение». Он мечтал испытать все, вплоть до тюрьмы, но узнать правду и главное, во всем разобраться: «узнать и понять! Узнать и понять!» Не знал бедный юноша ни того как называется самая главная тюрьма, ни особого закона жизни, — «что желания наши обязательно исполняются, если они по-настоящему велики». И все сбылось в жизни Нержина: он был арестован и привезен в тюрьму. Там нашел он людей не удивившихся ни его сомнениям, ни догадкам. Эти его сотоварищи, еще уцелевшие, во сто раз больше его знали и могли рассказать как оно и почему случилось. «Все сбылось и исполнилось, но за этим — не осталось Нержину ни науки, ни времени, ни жизни, ни — жены». Одна великая страсть — узнать правду «занявши нашу душу, жестоко измещает все остальное. Двум страстям нет места в нас». Эти слова сродные Пушкину («Пиковая дама») и Достоевскому («Преступление и наказание») толкуют и героину Нержина.

Но все ли понял Нержин, все ли ясно автору? Вопрос фанатизма партийцев, обожествления Вождя, начался ли только со времени прихода абсолютной власти Сталина? Не следует ли и в партии, в ее отрицании общечеловеческой этики, религии, веками созданных и проверенных традиций, в лозунге «цель оправдывает средства» — видеть причину основную и главную? Социализм, коммунизм не с сердцем милосердной любви, а с каменным лицом принуждения, с бичом смерти даже для инакомыслящих, грех утопизма, не отступающего от кровавого насилия — вина ли одного Сталина? На это творчество Солженицына прямого ответа не дает.

Вот, что есть Сталин и его режим говорят, вопиют книги писателя. Вот, что такое свобода религии рисует ярко ПАСХАЛЬНЫЙ КРЕСТНЫЙ ХОД, это — издевательство, а не свобода. Но как же партия дала резать и бить лучших партийцев Ежову, Берии, Абакумову? Где первопричины рабологии перед Сталиным? Мы это знаем. И книги Солженицына помогают уяснить кое-что и из раннего процесса озверения фанатиков. Знает ли об этом в глубине души и сам писатель? Кто может проникнуть в тайники души Великого Правдолюбца?

Может быть, прав О'Коннор — русские большие писатели особенно внимательны, чутки к страданию. Они сострадают ближним и дальним, это — движущая сила их творчества. Оттого у писателя не только сострадание в искании причин мрака сталинщины, сострадание ко всем несвободным, ко всем узникам и мученикам режима, но и стремление Нержина понять прошлое в лице народников, их утопии и их преклонения перед страданием. И делается автор В КРУГЕ ПЕРВОМ тоже страждущим и мучающимся. Изю всех рассказов, повестей, романов, выступает и величаво грустная и до боли родная личность писателя. Неизгладимо врезается образ страстотерпца советской литературы. Лучшее всего о нем кончить его же словами. Ни больше, ни сильнее не скажешь: «В эту зиму я приехал в Ташкент почти уже мертвецом. Я так и приехал сюда — умирать».

А меня вернули пожить еще.

Это был месяц, месяц и еще месяц. Хрустальная ташкентская весна прошла за окнами, вступила в лето, повсюду густо уже зазеленело и совсем было тепло, когда стал и я выходить погулять неуверенными ногами... Мне надо было часто присаживаться, а иногда, от разбирающей тошноты, и прилечь, ниже опустив голову.

Я был и таким, да и не таким, как окружающие меня больные: я был много бесправнее их и вынужденно безмолвнее их. К ним приходили на свидание, о них плакали родственники, и одна была их забота, одна цель — выздороветь. А мне выздоравливать было почти что и не для чего: у тридцатипятилетнего, у меня не было во всем мире никого родного в ту весну. Еще не было у меня паспорта, если б я теперь выздоровел, то надо было мне покинуть эту зелень, эту многоплодную страну и возвращаться к себе в пустыню, куда я сослан был навеки, под гласный

надзор, с отметками каждые две недели, и откуда комендатура долго не удабривалась меня и умирающего выпустить на лечение.

Об этом всем я не мог рассказать окружающим меня вольным больным.

Если б и рассказал, они б не поняли...» (9).

Так говорит с нами намолчавшаяся душа Великого писателя. Мы-то пойдем его!

НАТАЛЬЯ ГОРБАНЕВСКАЯ

Из стихов последних лет...

Наталья Горбаневская — прежде всего замечательная русская женщина. Она принадлежит к тем, кого теперь в Сов. России принято называть «самосажателями», подобно тому как в старину называли некоторых староверов «самосжигателями». Она участвует во всех демонстрациях против насилия, несмотря на то что мать двоих маленьких детей. Ее подпись стоит под декларацией группы лиц, требующей от Советского правительства соблюдения человеческих прав. Свое стояние за правду Наталья Горбаневская закрепила жертвой: в декабре 1969 г. она была арестована.

Но помимо гражданской доблести, Наталья Горбаневская — талантливый поэт. В ее стихах много свежести, чувствуется подлинный голос. Собрание ее стихов должно в скором времени выйти в издательстве **Посев**. Ред.

Не сокруши меня ты, Господи,
не проиграй меня в очко,
не прогони бродягой по свету
идти, не веря ни во что.

Ты, что по морю яко по суку
прошел, ступая широко,
не отпусти меня без посоха
в земных страданий решето.

(9) "Правая кисть".

СОДЕРЖАНИЕ

1970 год — Никита Струве	1
На Евангелие о Втором пришествии Христовом — Григорий Палама — перевод архим. Киприана (Керн)	3
Православное богословие в современном мире — прот. И. Мейендорф	13
Размышление над одним текстом — неизв. автора	31
Господь говорит человеку — из наставления иеросхимон. Серафима.	38
Памяти А. В. Тырковой-Вильямс — А. Борман	41
СУДЬБЫ РОССИИ	
К размышлениям об интеллектуальной свободе — свящ. С. Желудков	46
К отклику на письмо А. Белинкова — Г. П. Струве	58
Отклик на письмо А. Белинкова в Союз Сов. Писателей — неизвестн. автора	59
Наша короткая память — Н. Александров	62
Чорт догадал... — В. Вейдле	66
Суд истории - суд Божий — архим. Александр Семенов Тянь-Шанский	71
Народ и власть — Г. Федотов	79
К вопросу изучения религиозности в Сов. России — Н. А. Теодорович	95
ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ	
Письмо Солженицыну — Б. К. Зайцев	97
Реакция писателей в свободных странах на исключение А. И. Солженицына из Союза Советских писателей — Пьер Эммануэль	99
А. И. Солженицын — великий писатель земли СССР — Р. Плетнев.	102
Из стихов последних лет — Наталия Горбаневская	112
Памяти Корнея Чуковского — Н. А. Струве	118
“Двенадцать” А. Блока — К. И. Чуковский	119
К. Чуковский об Анне Ахматовой	127
Письма К. Чуковского к парижским детям	128
МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ	
К 50-летию со дня смерти В. В. Розанова — Д. С. Дарский	131
МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ	
Преосв. Мануил Лемешевский (окончание) — неизв. автора	154
БИБЛИОГРАФИЯ	
Пути России, Д. П. Кончаловский — Пьер Паскаль	168
Смысл истории, Н. Бердяев — С. П. Жаба	170
Собачье сердце, Михаил Булгаков — Н. Струве	172
Христианство, атеизм и современность — П. Ковалевский	174
Церковь и Россия, О. В. Ключевский — П. К.	175
Обзор печати	
Вестник Русского Западно-Европейского Экзархата № 66	175
Возрождение № 215, 216 — 1969	176

СОДЕРЖАНИЕ
SOMMAIRE

	Pages
L'année 1970 — N. Struve	1
Grégoire Palamas : Homélie sur le Second Avènement — Traduction nouvelle de l'Archim. Cyprien Kern	3
La Théologie Orthodoxe dans le monde actuel — Jean Meyendorff	13
Réflexions sur un texte — Auteur anonyme soviétique	31
Le Seigneur parle à l'homme — Méditation d'un moine	38
A la mémoire de A.V. Tyrkova-Williams — A. Borman	41
LES DESTINEES DE LA RUSSIE	
Réponse aux réflexions de l'académicien Sakharov sur la liberté intellectuelle — Père S. Jéloudkov	46
Echo à la lettre de Bélinkov — Auteur anonyme (U.R.S.S.)	59
Notre mémoire est courte — N. Alexandrov (U.R.S.S.)	62
« Fallait-il que je naisse » — W. Weidlé	66
Jugement de l'histoire — Jugement de Dieu — Archim. A. Semenov	71
Le peuple et le pouvoir — G. Fédotov	79
La situation religieuse en U.R.S.S. — N. Théodorovitch	95
LITTERATURE ET VIE	
Lettre à Soljénitzine — Boris Zaïtzev	97
Réaction des écrivains occidentaux à l'expulsion de Soljénitzine de l'Union des Ecrivains de l'U.R.S.S. — Pierre Emmanuel	99
A.I. Soljénitzine, grand écrivain de l'U.R.S.S. — R. Pletnev	102
Poèmes de Nathalie Gorbanevski	112
In memoriam K. Tchoukovski — N. Struve	118
« Les douze » d'A. Blok — K. Tchoukovski	119
Souvenirs inédits de Tchoukovski sur A. Akhamatova	127
Lettres inédites de Tchoukovski à des enfants de Paris	128
DOCUMENTS SUR L'HISTOIRE DE LA CULTURE SPIRITUELLE RUSSE	
Pour le 50 anniversaire de la mort de V.V. Rozanov — D.S. Darsky	131
DOCUMENTS SUR L'HISTOIRE DE L'EGLISE RUSSE	
Un confesseur de la foi : Mgr Manuel Lemechevsky — (auteur inconnu)	154
BIBLIOGRAPHIE	
Les voies de la Russie. D.P. Kontchalovsky — (Pierre Pascal)	168
Le sens de l'histoire. N. Berdiaev — (S. Jaba)	170
Cœur de chien. M. Boulgakov — (N. Struve)	172
Christianisme, athéisme et monde moderne — P. Kovalevsky	174
L'Eglise et la Russie. O. Kloutchevski — (P. K.)	175
Revue de la Presse (N. Struve)	175